

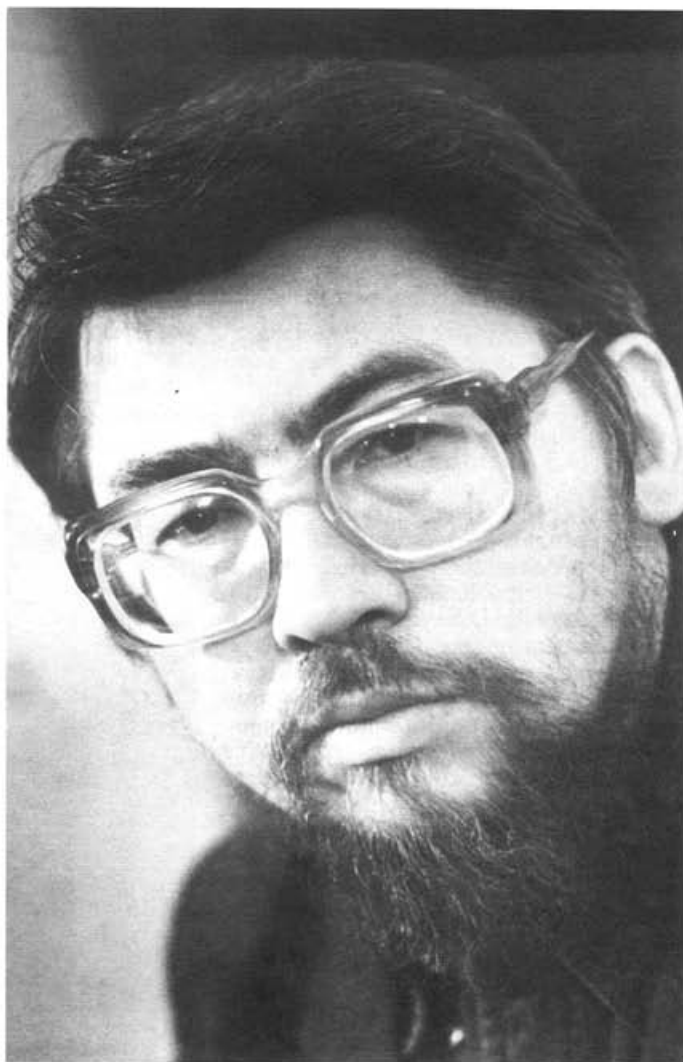
В наше время, когда даже среди церковных людей иногда слышны голоса “о нашем поражении”, жизнеутверждающе и с новой силой звучат слова великого русского писателя Н.В. Гоголя:

Праздновать победу будем на том свете

Интервью с литературоведом Владимиром Воропаевым

В данной рубрике мы уже старались знакомить читателя с современными русскими писателями и поэтами. При этом как-то само собой разумеется, что у настоящего писателя писательство — главное дело его жизни, и это действительно так. Но наряду с профессиональными писателями существуют и профессиональные читатели — литературоведы, то есть люди, которые задались целью изучать написанное когда-либо и кем-либо. С какой целью? Неужели только для того, чтобы самим уразуметь смысл прочитанного? — Очевидно, нет. Они занимаются тем, что интерпретируют, комментируют, толкуют литературные произведения. Плоды их деятельности — это всевозможные учебники, пособия, справочники, словари и прочая учебная литература, с помощью которой у большинства “читателей-непрофессионалов” формируется представление о том или ином писателе и его произведениях. Как видим, это не такие простые люди, как может показаться на первый взгляд. Тем интереснее будет познакомиться с одним из них.

Владимир Алексеевич Воропаев — доктор филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы МГУ им. Ломоносова, занимается преимущественно исследованием творчества Гоголя. В прошлом году он защитил докторскую диссертацию на тему “Гоголь в последнее десятилетие его жизни: Новые аспекты биографии и творчества”, в которой впервые раскрывается подлинный духовный облик Гоголя, глубоко православного русского писателя-классика.

— Владимир Алексеевич, в предыдущих номерах нашего журнала мы уже знакомили читателя с некоторыми из современных писателей и поэтов. Литературоведа, к тому же преподавателя филологического факультета Московского университета, мы представляем впервые. Поэтому не могли бы Вы сначала рассказать нам, чем занимается литературоведение вообще и что оно значит для Вас — это Ваша профессия, дело всей жизни, которое непосредственно связано с Вашим мировоззрением?

— Не совсем так. Главное в моей жизни, если говорить о профессии, — преподавание русской классической литературы в университете и научная работа над избранной темой. Что касается литературоведения, то это, как известно, одна из гуманитарных наук, которая занимается изучением литературы. Но не бывает науки, вообще, чистой или, как говорят, объективной. Ведь и в математике или физике результаты исследований прямо зависят от представлений ученого о мире. Помнится, когда я готовился к поступлению в университет и читал работы литературоведов о Гоголе, то был поражен, насколько эти писания не соответствуют моему читательскому восприятию его произведений. Потом я понял причину такого несоответствия. Гоголь был православным христианином, что я и постарался показать в своей докторской диссертации. Писали же о нем по большей части люди, в лучшем случае имеющие весьма поверхностное представление о православной духовности. Между тем православие Гоголя было не номинальным, а действенным. Без учета этого мало что можно понять в его жизни и творчестве.

В современном литературоведении есть разные направления. В мои студенческие годы был очень популярен структурно-семиотический метод, который и доньше некоторыми считается чуть ли не единственно научным. Показательны названия тогдашних “образцовых” исследований, — к примеру: “Как сделана “Шинель” Гоголя”. Однако людей всегда интересовала духовная сущность явлений, в том числе в искусстве и литературе. Сегодня — тем более. Вы найдете в таких трудах ответ, например, на то, как сделаны “Мертвые души”, но не узнаете, почему Гоголь так назвал свое великое творение. Чтобы понять это, надо знать евангельскую традицию. Без этого знания все теряет смысл. Примечательно название одной литературоведческой монографии о “Мертвых душах”, выдержавшей не одно издание: “В поисках живой души”. Оно свидетельствует о непонимании автором именно духовной сути вещей. Получается, что Гоголь ищет в России живую душу, а находит одни мертвые. Между тем мертвыми душами являемся в определенном смысле мы все. Гоголевский замысел созвучен христианскому нравственному закону, сформулированному святым апостолом Павлом: *Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут* (1 Кор. 15, 22). Этот духовный смысл названия поэмы раскрыт Гоголем в предсмертной записи, обращенной ко всем нам: “Будьте не мертвые, а живые души. Нет другой двери, кроме указанной Иисусом Христом, и всяк, прелазай иначе, есть тать и разбойник”.

— Стало быть, Вы, как исследователь, остановили свой выбор на Гоголе?

— Я не сразу стал заниматься им. В годы учебы в университете я изучал Чехова на семинаре замечательного педагога и ученого Владимира Борисовича Катаева и дипломное сочинение писал о Чехове: о библейских мотивах

в его творчестве. И только в аспирантуре решил профессионально заняться Гоголем, писать о нем диссертацию — первая любовь победила.

— Насколько я знаю, Вы не только занимались произведениями Гоголя, но много сил посвятили изучению его биографии и тех людей, с которыми он был близок. Значит, литературоведение не может ограничиваться изучением текстов — оно должно, наверное, заниматься и личностью самого писателя, изучать его жизненный путь и в целом ту эпоху, в которую он жил. Очевидно, только тогда наше знание литературы будет цельным и литературные памятники оживут и представят нам ясную картину той эпохи, когда они были созданы. Так получается?

— Разумеется, Вы правы, когда говорите, что литературоведение не может ограничиваться изучением текстов. Оговорюсь только, что слово “текст” введено в науку представителями формальной школы, оно не несет в себе никакой окраски, претендует на объективность. Так, стихотворение Лермонтова “Белеет парус одинокой...” — текст, “Мертвые души” — текст, Евангелие — текст, объявление на столбе — текст. Часто этот “текст” изучается без учета содержания. Конечно, текстология как одна из научных дисциплин — необходимая вещь. Но это только одна сторона, хотя и существенная. Без знания биографии писателя, его жизненного пути, эпохи, в которую он жил, наши представления о его произведениях не могут быть полными. Да, литературовед в некотором смысле самозванец. Никакой автор, тем более из наших классиков, не уполномочил бы ни одного из нас быть посредником между ним и читателем. Если кто-то и должен взять на себя этот нелегкий труд, он должен совершать его добросовестно и со смирением. Не все литературоведы, к сожалению, придерживаются этих принципов. Многие накладывают свои представления и на произведения, и на жизнь писателей, не смущаясь ни скудостью своих знаний, ни заданностью своих идейных построений. Что касается окружения писателей, то и здесь выстраиваются схемы, — об одних людях можно рассказать побольше, о других умолчать, а то и оболгать. Так, например, в связи с Гоголем, выставлены в неблагоприятном свете близкие ему лица — граф Александр Петрович Толстой и ржевский протоиерей Матфей Константиновский, духовный отец Гоголя. То же можно сказать и об эпохе — она подается часто тенденциозно, для чего и подбирается нужный для определенной идеи материал. Только православные взгляды литературоведа позволяют достичь высокой степени объективности. Если коротко, — евангельские истины освещают все в истинном свете. Без духовного постижения явлений всякие знания теряют смысл.

— Вернемся к Гоголю. В одном из своих писем он высказывает идею, что литература и культура в целом должны служить ступеньками духовного восхождения человека, той *лестницей*, которая может возвести человеческую душу от земли на Небо. Известно, что в XX веке подобную идею развивал протопресвитер Василий Зеньковский, пытаясь построить даже целую философскую концепцию православной культуры. Как по-Вашему, насколько эта идея продуктивна?

— Гоголь в “Выбранных местах из переписки с друзьями” действительно писал о том, что назначение искусства — служить незримой ступенью к христианству, так как современный человек не в силах встретиться прямо

со Христом. Искусство для Гоголя — отблеск небесной красоты. В беседе с русскими художниками в Риме он говорил: “Чистая, истинная красота — хвала Богу на земле”. Эту же мысль Гоголь не раз высказывал и в своих художественных произведениях. Например, в “Портрете”: “Намек о божественном, небесном рае заключен для человека в искусстве, и потому оно уже выше всего”. Этим и определяется для Гоголя ценность писательского дела. Оно важно не само по себе, а именно как ступень на пути восхождения человека к Богу.

Свою книгу “Выбранные места из переписки с друзьями”, вызвавшую столько толков и разговоров в русском образованном обществе, Гоголь адресовал в первую очередь тем, кто не ходит в церковь. Вот что он писал, например, отцу Матфею Константиновскому: “Мне кажется, что если кто-нибудь только помислит о том, чтобы сделаться лучшим, то он уже непременно потом встретится со Христом, увидевши ясно, как день, что без Христа нельзя сделаться лучшим, и, бросивши мою книгу, возьмет в руки Евангелие”. Можно сказать, что эта мысль Гоголя и есть тот итог, к которому он пришел в результате своих размышлений о писательстве. Но этот итог не запрещал ему художественного творчества, а лишь подвигал к решительному его обновлению в свете евангельского слова.

Что же касается Вашего вопроса о воцерковлении культуры, то скажу, что Гоголь справедливо видел в этом единственную возможность духовного возрождения России. Однако в наши дни о соединении светской и духовной культур, кажется, мечтать не приходится. Мы видим, и это закономерно, что происходит все большее разделение. Духовная культура собирается вокруг Церкви, а мирская возрастает в своей враждебности к Православию. Это неизбежный процесс апостасии — отпадения от Бога. Хотя изначально любая культура — и европейская, и русская — связана с Церковью. Современная массовая культура и есть предельное выражение светской. Успех ее связан с тем, что человек утратил представление о том, для чего он живет, что он должен делать со своей жизнью. Раньше он это понимал через религию. Отсюда и всевозможные неурядицы, начиная от экологического кризиса и кончая неудачами в личной жизни, разрушением семьи и прочим. Вы знаете, Гоголь очень точно говорил, что у человека тогда все ладится, когда он внутренне устроен. А чтоб устроенным быть внутренне, — надо искать Царствия Божия, и все остальное приложится вам.

— **Фактически мы подошли с Вами к вопросу о взаимодействии светской, секулярной культуры и культуры православной, духовной, которую нам привычнее было бы именовать церковной традицией или церковным Преданием. Однако это огромная тема, а в чисто практическом плане: в какой степени полезно, на Ваш взгляд, студенту Духовной школы, будущему пастырю, читать произведения светских писателей?**

— Еще святитель Василий Великий рекомендовал юношам читать античных авторов, хотя и с разумением. Важно, что приносит душе человека искусство в широком смысле — духовную пользу или вред, ведет к Богу или отвращает от Него. Конечно, в произведениях светских писателей много соблазнительного, хотя это случается и с духовными сочинениями — вспомним, например, книгу Фомы Кемпийского “О подражании Иисусу Христу”. Не-

даром наши святители, в особенности Игнатий (Брянчанинов) и Феофан Затворник, равно как и преподобные Оптинские старцы, с осторожностью относились к художественному творчеству, понимая, что в нем таится немалый соблазн и что без помощи Божией читатель противостоят ему не может. Лучшие русские писатели, в том числе Гоголь, прекрасно сознавали это. В повести “Портрет” старый монах говорит: “Дивись, сын мой, ужасному могуществу беса. Он во все силится проникнуть: в наши дела, в наши мысли и даже в самое вдохновение художника”.

Пастырь должен представлять себе, чем живет его паства. Нельзя говорить, что мы православные и не хотим знать светской культуры. Студенту Духовной школы, как мне думается, нужно выработать в себе, так сказать, духовное чутье, научиться различать пшеничные зерна и плевелы по немногим приметам. Для этого надо читать русскую классическую литературу в лучших ее образцах, но не давать им заслонить святоотеческого учения.

— **Как ученый-филолог Вы специализируетесь в литературе XIX века: Пушкин, Гоголь, Достоевский, другие русские писатели-классики — это объект Вашего внимания и изучения. Но для духовной истории России XIX век был не менее плодотворным — всем известны имена святителей Филарета, Иннокентия, Игнатия, Феофана и др. Вы считаете, что эти явления в культурной и духовной жизни России взаимосвязаны между собой или же они появились независимо друг от друга?**

— К сожалению, литература светская в очень малой степени взаимодействовала с теми духовными очагами, которые существовали у нас в России. Развившись в образованном обществе, она вольно или невольно противостояла Церкви. В глазах многих эта литература — едва ли не единственная, так что ее нередко называют даже “духовной пищей”, не подозревая об истинном смысле этих слов. Она посягает на духовное руководство, пытается подменить собою Церковь, то “единое на потребу”, без чего душа человека мертва. Тут явно нарушена иерархия ценностей. Однако русская классическая литература XIX века не с неба свалилась. Она возникла на духовном фундаменте тысячелетней России. Древнерусская, по преимуществу церковная, литература была весьма самобытна. И наша классика в своей глубине всегда была христианской. Не зря же русских писателей так тянуло в Оптину Пустынь. Вспомним Гоголя, Достоевского, даже Льва Толстого, не говорю о фигурах менее значимых. В Оптиной Гоголь прочитал книгу преподобного Исаака Сирина, с которой позднее старцем Макарием было сделано печатное издание. И ему многое открылось в понимании природы человеческой души. В монастырской библиотеке хранился экземпляр “Мертвых душ”, принадлежавший графу Александру Петровичу Толстому, а после его смерти переданный оптинскому насельнику отцу Клименту (Зедергольму), с пометами Гоголя, сделанными по прочтении этой книги. Вот я Вам сейчас читаю, что заметил Гоголь на полях одиннадцатой главы против того места, где речь идет о “прирожденных страстях”: “Это я писал в “прелести”, это вздор — природженные страсти — зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении природженных страстей — теперь, когда стал я

умнее, глубоко сожалею о “гнилых словах”, здесь написанных. Мне чужалось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении прирожденных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение “Мертвых душ”. Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сирина, великого душеведца и прозорливого инока. Здоровую психологию и не кривое, а прямое понимание души, встречаем у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, — не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимания природы души”.

Каково сказано! Что называется, не в бровь, а в глаз.

С другой стороны, в Оптиной хранились “Выбранные места из переписки с друзьями” с вложенным в них отзывом святителя Игнатия, переписанным рукой старца Макария. Читатель, взявший книгу Гоголя, должен знать и мнение Церкви о ней.

Писатель часто пишет почти буквально “кровью сердца”. В то время как большая часть читателей потешалась над его героями, считая себя неизмеримо выше них, Гоголь страдал и томился, понимая, что и он несовершенен. Он почувствовал, что ему не только не удаются положительные герои, но и не могут удалиться. Почему это так, отчасти можно понять из писаний святителя Игнатия. В статье “Христианский пастырь и христианин-художник”, недавно напечатанной в очередном томе “Богословских трудов”, он высказывает глубокую мысль. Вот послушайте: “Большая часть талантов стремилась изобразить в роскоши страсти человеческие. Изображено певцами, изображено живописцами, изображено музыкою зло во всевозможном разнообразии. Талант человеческий, во всей своей силе и несчастной красоте, развился в изображении зла; в изображении добра он вообще слаб, бледен, натянут. <...> Когда усвоится таланту Евангельский характер, — а это сопряжено с трудом и внутреннею борьбою, — тогда художник озаряется вдохновением свыше, только тогда он может говорить свято, петь свято, живописать свято”.

Этим путем шел Гоголь. И это есть путь всякого большого художника. Кстати, святитель Игнатий, прекрасный писатель, за образец работы над языком своих произведений, по его признанию, брал Пушкина. Приведу один пример. Лет семь назад мы с Виктором Афанасьевым подготовили для журнала “Литературная учеба” публикацию произведений святителя — это была одна из первых, если не первая, публикация его творений в светской печати. Тогда еще не было переиздано всем известное сейчас семитомное собрание, и мы печатали очерк “Поездка на Валаам” по отдельному изданию. При верстке решили сделать сверку по собранию сочинений. И оказалось, что святитель кардинально переработал произведение, — и именно в плане стиля, так что пришлось перебирать текст заново. Как писатель он понимал важность этой стороны. Гоголь говорил, что благозвучие не такое пустое дело, как думают те, которые незнакомы с поэзией.

— Из Ваших рассуждений следует, что русскую литературу нельзя ограничивать общепринятыми рамками классической, художественной, так как есть и духовная литература, с особыми, присущими только ей жанрами. И хотя у нас в Академии написаны некоторые работы о духовных писателях и их творениях, но в этих трудах, как правило, почти не затрагивается

круг вопросов, находящихся в поле зрения литературоведов. Значит, нужно и литературоведам взяться за изучение незаслуженно пренебрегаемой светскими учебными заведениями части русской литературы. **Что Вы скажете по этому поводу?**

— Скажу, что настоящая картина отечественной словесности гораздо обширнее и богаче расхожих представлений о ней. Огромный пласт ее был насильственно отторгнут от нашей культуры. Русские духовные писатели — такие, как святители Филарет Московский, Игнатий (Брянчанинов), Феофан Затворник, как и писатели XVIII века — святители Димитрий Ростовский и Тихон Задонский, — продолжали в нашей литературе святоотеческую традицию. Они были действительно народными писателями, хотя народ мог и не знать их имен. Четьи-Минеи святителя Димитрия читала вся грамотная Россия. Или вот, например, Андрей Николаевич Муравьев, замечательный писатель, издавший при жизни около пятидесяти книг, — значит, были у него читатели. А духовные журналы... Посмотрите библиотечные каталоги — какие журналы читали в России прошлого века.

Что же касается изучения духовных писателей, равно как и православных традиций в русской классической литературе, скажу, что такая работа только началась. Могу назвать в этой связи профессоров Котельникова, Захарова, Тарасова, Есаулова, вашего преподавателя Михаила Дунаева, издавшего уже три тома своего капитального труда “Православие и русская литература”.

— **Все то, что Вы говорите, чрезвычайно интересно, однако до сих пор речь у нас шла только о литературе XIX века. Хотелось бы услышать Ваше мнение и о современном состоянии литературного процесса. Как Вы думаете, возможно ли сейчас развитие русской литературы именно в том русле, в каком это делал, например, Гоголь?**

— Честно говоря, современных авторов, за редкими исключениями, я не читаю. Когда на книжной полке стоят святые отцы, не очень-то возьмешь в руки нынешних книг или журналов. Наша земная жизнь коротка, а святоотеческая мудрость неизмерима. Притом, конечно, приходится много читать по специальности. Я, например, просматриваю всю доступную мне литературу о Гоголе. Что же касается перспектив развития отечественной словесности, то скажу не новость: писатель есть отражение жизни своего народа. Будет трепетное ожидание нового Гоголя — и он явится. Семьдесят лет вавилонского пленения не прошли бесследно для нашего народа. Все лучшее, созданное за эти десятилетия — отзвуки русской классической литературы. Как пойдет дальнейшее развитие нашей литературы — одному Богу известно. Во всяком случае, если говорить о том, что у нас на виду, — то это картина, мало чего обещающая в грядущем.

— **Владимир Алексеевич, спасибо за интересную беседу. Что бы Вы хотели сказать нашим студентам в заключение?**

— Я человек мирской, мне поучать не пристало, тем более будущих пастырей духовных. Могу пожелать только как себе, так и вам, крепости духа, мужества. Как говорил Гоголь: “Мы призваны в мир на битву, а не на праздник: праздновать победу мы будем на том свете”.

*С В.А. Воропаевым беседовал студент I курса МДА
Дмитрий Моисеев*